

МИХАИЛ КОЗАКОВ: Я НЕ ХОЧУ ЖИТЬ В "ЭПОХУ ПУГАЧЕВОЙ"

Всего клуб. - 1998 - 26 марта

Это один из тех немногих актеров, которые умеют начинать все с нуля. Он много снимался в кино, но в какой-то момент понял, что практически исчерпал себя в кинематографе, и с головой ушел в театр. На пике актерской карьеры начал активно заниматься режиссурой. Писал книги, которые расходятся огромными тиражами. Будучи в Союзе звездой первой величины, бросил все и уехал в Израиль. Стал звездой там и вновь вернулся сюда. Сейчас он — актер, режиссер, владелец собственной антрепризы и отец совсем маленьких детей. Один из самых известных его спектаклей последних лет — "Возможная встреча". В ней — Бах и Гендель, страсть и отчаяние, и музыка, музыка, музыка. Поэтому ничего удивительного, что наш разговор с Михаилом Козаковым именно о музыке, которую он с детства любит и знает.

— Михаил Михайлович, может быть, выскажете свое мнение относительно того, что происходит в музыкальном мире сегодня?

— Ох, какой непростой разговорчик. Боюсь, однако, что ничего нового я не скажу. В симфонической музыке я не слышу ни одного серьезного композитора, кроме Шнитке. А вообще, на мой взгляд, последним гением серьезной музыки был Шостакович. Как в стихах Бродский, от которого еще не скоро очухается наша изящная словесность. Если говорить о джазе, то в России он, по-моему, стал закисать. Есть еще настоящие фанаты, Леша Козлов или Давид Голощекин в Петербурге, но это уже единицы. К сожалению, джаз, как, впрочем, и все другое, вытесняет попса, которая идет мощной лавиной.

— Вы принципиально против попсы?

— Я это говорю не от снобизма. Я отношусь не сноб, для которого существуют только классическая музыка и джаз, и сейчас попробую это доказать. Алла Пугачева — очень талантливая певица, имеющая не только восхитительный голос. У нее есть нерв, не случайно она сумела спеть романсы на стихи Цветаевой. К тому же она замечательная характерная актриса, и ее "Настоящий полковник" очень хорош. Когда я слушаю ее удачные работы, мне даже начинает казаться, что ее гигантское самомнение в какой-то мере оправдано. Я сейчас говорю о музыке, отбрасывая в сторону все эти поповские штучки, ее замужества, рекламные дела и скандалы, всю ту грязную пену, которая неизменно сопровождает попсу во всем мире.

— Но Пугачева — это признанная величина. И она одна.

— Хорошо, другой пример. Недавно я был в Петербурге, сидел дома и от нечего делать включил телевизор. Выходят четыре молодых огольца и очень мило исполняют "Папа купил автомобиль". Я вдруг понимаю, что это замечательно сделанный номер, мне становится весело, и я в свои 62 года делаюсь ребенком. А потом сам себя спрашиваю: почему мы так противно, по-стариковски, брюзжим на эту "На-На"? Четыре парня, работающие очень профессионально, выкладывающиеся на сцене до седьмого пота, делают молодежную культуру. А я сижу и качу бочку на Бари Алибасова за то, что он не играет Бетховена. Да все он делает нормально, потому что нужно и такое тоже! Конечно, эти ребята не битлы, чего там

говорить. Но они имеют свое лицо и по сравнению хоть с "Ласковым маем" имеют право на существование.

— Не любите "Ласковый май"?

— Это было ужасно. Они же ничего не умели — ни петь, ни двигаться, ничего! Именно с них тогда и начался общепит в музыке, явление совершенно чудовищное. Покатил серый ком бескультурья, вытесняя все хорошее, что было в той же попсе. Вообще же поп — это хорошо и нужно, но иногда начинает раздражать по удельному весу. Вы посмотрите, на телевидении редко-редко можно увидеть драматического актера, кругом только певцы. У людей уже начало появляться видеоклиповое мышление.

— Вы сказали, что вопрос только в уровне. Кто для вас является эталоном в эстраде?

— Еще лет 15 назад я как-то ехал на такси, и водитель мне сказал, что я живу в эпоху Пугачевой. Но я для себя по-другому определяю: я лучше буду жить в эпоху Высоцкого или Шостаковича, Бродского, Окуджавы. Или в эпоху Меркьюри, Эллингтона, Пиаф, Монтана. Вот это — великие. А девочки, подергивающиеся на сцене, не имеют ничего общего с музыкой, и хорошо бы им это четко усвоить.

— Мне кажется, вы вообще считаете эстраду вторичной, легковесной и не заслуживающей серьезного внимания.

— Ничего подобного я не считаю. Но, во-первых, эстраду разменивают на что попало. Например, Лариса Долина. Очень одаренный человек с дивным голосом, которая замечательно пела джаз. Но, наверное, Лариса поняла, что джаз для великих, а хочется быть известной, зарабатывать большие деньги. Я не осуждаю ее, просто констатирую факт. И Лариса начинает петь попсу. Что поделаешь? Во-вторых, на эстраде не стало потрясений. Нечему удивляться, разве только общему уровню чудовищной безвкусицы.

— А что, раньше были потрясения?

— Я не могу сказать, что был наповал сражен творчеством Утесова и Шульженко. Артисты того времени, даже такие, как покойный Марк Бернес, прекрасно знали, что великие — это Прокофьев и Шостакович, и не претендовали на звание "легенд" и "гениев". Да, они назывались народными артистами, но чтобы о них говорили, как о Шостаковиче, — такого не было.

— Сегодня — не так?

— Сегодня все поменялось. Хороший человек Газманов, бодрый малый и очень хорошо пры-

гает, даже поет чего-то. Но с какой горы, почему "великий артист", я, убей меня Бог, при всем уважении к его труду понять не могу. Все это считалось раньше суетой. И хоть песенка про Москву, где "звонят колокола", — бодрая, симпатичная, но "Подмосковных вечеров" не написал никто.

— Другие времена — другие песни...

— Да, вы можете сказать, что я просто старик, который хочет жить в ритмах своей молодости, 50-х годов. Но это не так, потому что, когда Фредди Меркьюри поет "Шоу продолжается", это всегда до слез, и неважно, в какое время было написано. А Лев Лещенко и Эдита Пьеха — они почти из моей молодости. Ну и что из этого? Все они такие милые и симпатичные, но устраивать в Петербурге всенародный праздник Эдиты Пьехи — это, извините, просто смешно. И заметьте, я называю далеко не худших, не Наташу Королеву и не Алёну Апинову. Бессмыслица, которую они поют, — для меня синоним чудовищного безвкусицы и элементарного непрофессионализма.

— А что слушает ваш сын?

— Он слушает все. А когда был совсем маленьким, очень любил Патрисию Каас. В Израиле вечером он ложился спать, а по телевизору как раз ее показывали. Он говорил: это Патрисия. Мы тогда смеялись — два с половиной года, а уже любит такую даму! Сейчас ему семь лет, и он очень любит Меркьюри. Однажды я работал, слушая "Ромео и Джульетту" Прокофьева. Он оказался рядом, тоже заслушался. А спустя несколько дней мы ехали в машине и поймали по радио танец с подушками. Он сразу: ой, папа, у нас дома есть эта музыка, поставь мне. Поставили. Он музыкальный парень, и то, что мы его не учим музыке, — преступление. У него хороший вкус и абсолютный слух, но при этом ему вполне нравится какой-нибудь Сюткин. Сын слушает море разнообразной музыки, нормально развивается.

— Не боитесь, что его захватят рэп или рейв или что-нибудь подобное?

— В детстве, кроме симфонической музыки, которую по-настоящему полюбил в 12 лет, я слушал в неограниченном количестве и советскую песню, плохую и хорошую, иногда совершенно идиотскую. Я слушал песни военных хоров о Сталине, всю эту трубную и утробную советскую музыку. Когда мне было 17, я любил Элвиса, роковые звуча-

ные слушают рэп, так и мы увлекались твистом. Жили под твист, ели под твист, спали под твист. Но все прошло, а я выжил. Ничего, по-прежнему люблю симфоническую музыку и как личность вроде бы не распался. Вся та музыкальная кашка, которую я в юности поглощал, не испортила мой вкус. И как бы ни любил я Элвиса, все равно предпочту послушать, как Башмет с Рихтером играли альтовую сонату.

У меня достаточно оснований полагать своего сына умным парнем, чтобы бояться, что его ухо испортится от всяких рэпов и рейвов. Но вот что страшно: любая масскультура, делаясь эстетикой существующей идеологии, набирает такую мощность, что ей вполне под силу сбить нормального среднего человека. Ужас в том, что этому человеку как бы говорят: необязательно тебе знать занудство господина Бетховена. Послушай-ка лучше "Юбочку из плюша". Дело ведь в слове сознания, а не во внешних атрибутах.

— Но как вы отреагируете, если ваш сын однажды придет домой с проколотым ухом и разрисованным лицом?

— Плохо отреагирую. Была когда-то и эпоха стиляг, когда носили галстуки с обезьянами, туфли на толстой каучуковой подошве. И я в то время не носил клещи, потому что в моде были узкие брюки. Но любая татуировка на теле всегда приводила меня в неопределимый ужас. Как же можно тело, которое тебе Бог дал, разукрашивать по-папуасски! Надеюсь, в этом смысле мой сын будет нормальным человеком. Но если завтра в моду войдут длинные волосы и широкие штаны, я не заставлю его стричься "под ноль", не стану консервировать во вкусах моего поколения. Главное, чтобы ему эти волосы и штаны шли. Я надеюсь воспитать своего сына в соответствии со своими представлениями о вкусе как таковом.

— Вашему сыну повезло. А что же будет с теми, чей удел в музыке и жизни — "Юбочка из плюша"?

— Вы ошибаетесь, если думаете, что мне все равно. Я очень жалею несчастных пэтэушников, которые слушают эту самую "Юбочку". К сожалению, вряд ли я смогу действительно им чем-то помочь. Потому что сразиться с кошмарной лавиной поппы в самом отвратительном смысле этого слова мне не по силам. Да и вряд ли вообще кто-то сможет изменить ситуацию. Наверное, это надо просто пережить.

Встречалась Алла ТЮКОВА.